

К

нига Николая Рачкова «О Родине, о жизни, о любви» очень личная.

Поэт говорит о главном, заветном и сокровенном, о том, что отражено в названии. Сборник объемный — 660 страниц. И в каждом стихотворении ощутимо авторское клеймо мастерства и готовности ответить за каждое слово перед миром земным и миром небесным.

Упомянув о себе, Рачков рассказывает о тех, кто родился в сороковые и пятидесятые годы минувшего столетия не в столичном роддоме, а в крестьянской избе, в поселковой больнице, в колхозном поле во время страды. На пространствах от Калининграда до Владивостока нас таких много. Книга итоговая — из нее явствует, что Рачков всю жизнь писал исповедь поколения, не ставя, между прочим, перед собой подобной сверхзадачи. Так получилось. Иначе и быть не могло, ибо он — плоть от плоти послевоенной эпохи. Мы не только дети священной войны, но и дети великой Победы. И еще поэт осознает, что талант — не только Божий дар, но и тяжкий крест...

Получив эту книгу и начав ее читать, я послал автору четверостишие:

Пусть зимой не поет соловей —
отчего ж мои слезы так сладки?
Друг, я плачу над книгой твоей,
где на каждой странице закладки.

Скупая мужская влага и вправду проступала при чтении. Это были слезы общей боли и общей радости, а также слезы от понимания разницы: мой отец после двух ранений вернулся домой в 1943 году (я появился на свет в 1945-м), а отец и сын Рачковы на Земле так и не встретились — отец ушел на фронт, когда сын находился в чреве матери.

Когда над Родиной набатом
Беда качнула небосвод,
Отец мой стал простым солдатом
В тот страшный сорок первый год.
Идя сквозь слезы, кровь и пепел,
Чье сердце гневно не дрожит?
Не знаю, где он пулю встретил,
Не знаю я, где он лежит.
И чья рука его зарыла,
Песок иль глину постеля.
Но знаю, что его могила —
Вся им спасенная земля.

Получилось так, что этот поэтический образ как бы закольцевал прозрение поэта-фронтовика Сергея Орлова:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат.
Всего, друзья, солдат простой
Без званий и наград...

А воспоминания о послевоенном детстве у нас общие. Некоторые детали совпадают абсолютно. Некоторые строки — дословно.

Рачков: «...и мама, молодая-молодая, / Другой такой не вспомню никогда я...»

Алешков: «...и мама, молодая-молодая / ведет меня навстречу тишине».

Рачков: «Я был в раю, / Но я не знал об этом».

Алешков: «Я б навсегда остался в детстве, / как ангел в сказочном раю».

Рачков: «Кроме Родины нет / ничего у меня за душою».

Алешков: «Кроме родины нету / у меня ничего!»

О заимствованиях в данном случае не может быть и речи. Мы познакомились в начале «нулевых», не зная стихов друг друга. Не сомневаюсь, что подобные совпадения есть и у других стихотворцев нашего поколения. Эти повторения неизбежны. Они пришли к нам из воздуха того времени, из атмосферы грандиозной эпохи, когда не хватало хлеба, но хватало всеобщей христианской любви — прежде всего, к нам, детям войны и Победы. Нас любили всем селом, а за озорство порой и наказывали всем селом. Колхозный конюх, потерявший на войне ногу, учил кого-то из нас запрягать лошадь. Солдатская вдова угощала парным вечерним молоком, когда ты «встречал» ее корову из стада.

Тихой речки прозрачное устье.
Городок на горе. Купола.
Столько счастья и боли, и грусти
Ты мне, Родина, в детстве дала!

Стихи Рачкова настолько прозрачны и понятны, что в особых комментариях не нуждаются, поскольку полнокровно говорят сами за себя. Их простота — волшебная. Она проистекает из деревенского фольклора, услышанного в детстве, из традиции русской классики, которую Николай Борисович изучил вдоль и попе-

рек, как и славную историю родного Отечества, как и «великий и могучий» язык его. За этой простотой стоит ясность, которая, по выражению Л.Н. Толстого, есть «удовольствие ума». Мне кажется, формулировка Льва Николаевича годится для любого вида искусств. Таков Пушкин, таков Моцарт. Ясность не отменяет, а усиливает смысл написанного, изображенного, прозвучавшего, а также глубину и неоднозначность переживаний и автора, и его героев. Рачкову незачем упражняться в словоблудии современного постмодернизма, стремящегося только к самоутверждению и, что еще хуже, к эпатажу. Помня об истинной — божественной — сути Слова, он пишет:

Исчезнет все. Но не оно.
Не отречется, не разлюбит.
Тая бессмертия зерно,
Оно кричать о жизни будет.
И вспыхнет из забытых снов,
Из хаоса слепых молекул.
И колокольню, властно — вновь
Оно над новым грянет веком.
И человек над синью вод,
В объятьях девственного дола
И выстрадает,
И поймет
Предназначение глагола.
Чтоб вновь, с душою во хмелю,
Ресницы опуская ниже,
Всей грудью выдохнуть:
— Люблю...
И задохнуться:
— Ненавижу...

Приоритет художественной цельности и ясности ныне приходится доказывать ценителям массового «искусства» и проповедникам «другой» поэзии и «другой» прозы. Они признают только авангард и, по сути, отвергают преемственность классики, забывая почему-то, что МЫ это уже «проходили», когда ОНИ пытались «сбросить Пушкина с корабля современности». В этом споре поэзия Николая Рачкова остается чрезвычайно актуальной, а творческая позиция — несгибаемой. Вот пример — все-то знающая и понимающая литературная дама отчитывает поэта из провинции, зашедшего в редакцию журнала, где она «заведует» вкусами:

Это — пето и перепето.
Нынче надо писать не так.
Исполины
Среди поэтов —
Это Бродский и Пастернак.
И о Родине неприлично,
Чтобы громко, в полную грудь.
Риторично. Непоэтично.
Нетипично. Не в этом суть.
Очень, очень стихи простые.
Поискусней бы.
Посложней...
А глаза у нее пустые.
...И зачем я вспомнил о ней?

Да, лучше бы — пройти мимо и забыть, как дурной сон, если бы пристрастия подобных дам замыкались в своем кругу. Но они распространяются не только на

весь литературный процесс, но, к сожалению, навязываются и в образовании, влияя на молодую поросль отнюдь не патриотично. Вопреки, кстати говоря, призывам к патриотизму из самых высокопоставленных уст...

Не менее важная задача поэта Николая Рачкова — поведать о своем понимании русской истории и государственности, о предназначении и тревогах русского мира — поведать так, чтобы задеть читателя за живое, чтобы «лучшие слова стояли в лучшем порядке», если речь идет о ремесле. И ему это удастся.

Предназначение 1/6 части земной суши, называемой в прошлом Российской империей, потом Советским Союзом, ныне Российской Федерацией (враги позиционируют ее как «империю зла») — стоять насмерть между враждующими цивилизациями Востока и Запада, принимая удары на себя с обеих сторон и спасая мир. Называть этот исторический факт случайностью легкомысленно.

Может быть, в стуже земной,
Ложью пропахшей и кровью,
Мир и спасется одной
Нашей несчастной любовью...

И далее, размышляя о причинах стояния между...

Зачем такая доля,
Ее и соль, и сладость?
На то не наша воля,
На то не наша власть...

Не наша — значит, Господня. Так считают русские духовники и провидцы. Так считает поэт Николай Рачков. Причем, о богоизбранности у него — ни строчки. Только надежда, только догадка — именно потому, что «на то — не наша воля». О богоизбранности есть кому декларировать без нас. Зачастую эти декларации оборачиваются нацизмом. А мы-то знаем, что перед Богом все равны. «Да, мы другие...» пишет Рачков и продолжает:

Наших младенцев топтали копытом коня,
В избах сжигали, утюжили из автомата.
Мы их младенцев, рискуя собой, из огня,
Из-под бомбежки тащили к дверям медсанбата.

Может быть, именно поэтому в минуты, часы и годы испытаний наши святые во главе небесного воинства помогают нам. «Враг был сильнее. / Но победили мы», — свидетельствует поэт. Так было не раз и в века минувшие. Тропу к желанному Китежу «на земле, где все в грехе погрязли», Батюю показал один из предателей-иуд. «Оставалось несколько сажень!», — пишет поэт, но исчез чудоград у завоевателя на глазах. И «скрипнул хан от ярости зубами», приказав, чтобы иуды «подохли в муках в жидкой яме / Каждый с переломанным хребтом». Что же оставалось завоевателю, кроме неожиданного прозрения о «бесмысленности пути»: «Вот он локоть, / укуси попробуй. / Вот он Китеж, / ну-ка, захвати!». Что-то подобное случилось и с Наполеоном, позорно бежавшим из горящей и пустой Москвы.

Однако — на Бога надейся, а сам не плошай. Во Вторую мировую наши отцы и матери с иконой Казанской Богоматери в сердце превзошли врага. Неимоверной стойкостью, самоотверженностью, терпением, способностью собраться в один кулак вокруг командира взвода на линии огня, вокруг маршала на Курской дуге, вокруг народного вождя, не покинувшего Кремль во время эвакуации, вокруг начальника цеха на заводе, вокруг колхозного председателя в лице русской бабы, у которой мужик был на фронте...

Пусть что угодно плетут о нас мифотворцы из пятой колонны — именно мы спасли Европу от фашизма! Приходится об этом напоминать, ибо все чаще нашу пассионарность пытаются оспорить с пеной у рта ближние и дальние «партнеры».

Матери наши — особая статья. Весь тыл держался на таких, как бабка Пелагея из стихотворения Рачкова:

Семерых она взрастила
В неизбывной доброте.
Тихо лоб перекрестила,
Прошептала: «Слава Те...»
И опять: «Ну, дай же, Боже...»
Вот ее пропал и след.
Эти старые калоши,
Этот плюшевый жакет.
Эти окна сельсовета,
Да в бурьяне колея.
Эта жизнь — комочек света
В грозной бездне бытия!

Но судьбоносных испытаний в российской истории оказалось больше, чем, казалось бы, можно выдержать. Миллионы погибших говорят сами за себя. Братоубийственная гражданская война, революции унесли самых достойных и лучших. И власти — так было во все времена — ведут себя по отношению к народу не лучшим образом.

«И от любви бывает больно...» — пишет Рачков былинным белым стихом. И вслед за Василием Шукшиным потрясенно думает: что с нами происходит, почему душа мельчает у того, у другого, у третьего, у тебя самого?

В 1999 году у него появляются стихи о том, как в оны годы по чьему-то приказу была проведена санитарная чистка столиц и больших городов:

«Солдат, обрубленных войной, / Всех подмели»...

«Их всех, за честь родной земли / Под бомбы ставших и под пули, / Не отмолили. / Не смогли. / И рухнул мир не потому ли?»

Другая крайность по отношению к фронтовику. «Он брал Берлин», а ему, судя по всему, уже в горбачевские времена пришла «посылка из Берлина». Стена-то, дескать, рухнула: «Носки. Белье. Тушенка. Шоколад. / Ведь вы давно не видели все это...»

И гневом исказился гордый лик.
Заплакал он
И в землю что есть силы
Ударил костылем, и в тот же миг
Зашевелились братские могилы...

А вот другой фронтовик, внук предыдущего, чудом вернувшийся из Чечни «без ноги, / с душой угрюмой»:

Стучит костыль
о пол трамвая.
Скрипят на стыках тормоза.
И каждый, мелочь подавая,
Отводит
в сторону
глаза...

Не могу не пересказать и «Притчу». Она написана Рачковым в 2001 году словно в переключку с еще здравствовавшим тогда Юрием Кузнецовым.

Может, это придумка — не боле.
Вышла древняя бабка на свет.
И взглянула на русское поле:
Что такое? А полюшка нет.
Удивилась. И слабую свечку
Подняла чуть не к самой звезде.
Посмотрела на синюю речку.
Что такое? А реченька где?
Бабка вышла, конечно, из Леты.
Если хочешь, возьми и проверь.
Оглянулась. Ах, батюшки-светы,
Тут погост был. И где он теперь?
Кобылицами ржут магнитолы.
Всюду моники вместо марусь.
Это что же, неужто монголы
Возвернулись с Мамаем на Русь?
Где же ты, молодецкая сила?
Но ни песен родных, ни знамен.
...И плиту над собой затворила —
До иных,
До победных времен.

Одна из задач истинного поэта, поставленная перед ним совестью, — называть вещи своими именами. Он всегда тот самый юродивый Николка из знаменитой пушкинской трагедии, который говорит правду царю Борису. И это свойство пришло к нему из глубин народного духа:

Травы шумят и ветки,
Тонет в пруду закат.
Чувствую: это предки
Что-то сказать хотят.

И — говорят:

Ты погляди окрест,
Так уж заведено:
Каждый несет свой крест,
Сколько ему дано.

И — «глядят доверчиво глаза / сквозь все режимы». Глаза погибшего на фронте отца Коли Рачкова, глаза его бабушки, которая помнит

Хлеб да любовь... Сыновья расцвели,
Соколы были, да только
Все на солдатское поле легли —
Сашенька, Боренька, Колька.

Муки такие — хоть камень на грудь.
Жить не хотелось, но — внуки...
Бабушка, кто бы я был, позабудь
Голос твой, слезы и руки!

Они глядят доверчиво на весь мир, а прежде всего — на потомка-поэта, которому и заповедано сказать о них правду.

О лирической интонации стихотворений Николая Рачкова надо писать отдельную статью. С этой задачей, надеюсь, справится профессиональный литературный критик, а не стихотворец-практик. Я могу лишь искренне восхищаться его шедеврами, радоваться его точному слову, его чуткому, любящему сердцу, интуитивно слышать его музыку, которая кажется мне родной, а иногда и завидовать —

дескать, те или иные стихи или отдельные строки мог бы написать и ты, потому что чувствовал так же и то же, а написал он. Да что там говорить, окунитесь сами в красоту русского слова:

У тамбовских колодцев,
Кубанских криниц
Неожиданно,
жаркой зарницы короче,
Из-под долгих, как сон,
византийских ресниц
Обожгут
васильково-славянские очи.

Это душой поется! Как и это:

Вот и речка потемнела, вот и речка.
Завтра схватит ее плечи тонкий лед.
Вот и жизнь,
как будто с пальчика колечко,
невзначай, того гляди, и соскользнет...

Поэт Николай Рачков не жалуется на судьбу. Его литературная карьера вполне сложилась, книги выходят, и премии он получает. Только не доходят мизерные тиражи его книг до нашей глубинки, до школьных и вузовских программ. Не звучит его голос по радио и на телевидении. И виноват в этом не поэт, а государственные чиновники, не допускающие проникновенное русское слово до народа. Впервые в российской истории случилось так, что проигрывающие матч за матч футболисты-миллиардеры оказались для власти предпочтительнее нищенствующих поэтов. Неладное что-то творится с нашей властью в ее отношении к литературе и патриотизму.

Я не сомневаюсь в том, что живущая сегодня поэзия Николая Рачкова будет жить всегда. Сила ее в правде и красоте. Об этом пишут в кратких предисловиях к книге «О родине, о жизни, о любви», изданной в ИПК «Вести» (Санкт-Петербург, 2015) тиражом 1000 экземпляров, многие известные деятели современной русской литературы. И среди них — тот, кого мы называли совестью русской литературы и с кем недавно простились. Это Валентин Григорьевич Распутин, считавший Рачкова одним из лучших современных русских поэтов. Вот что в одном из писем он сообщал Николаю Борисовичу:

«...Опять читаю тебя и завидую: как хорошо! Ненавязчиво и точно, все, казалось бы, мы уже знаем, ничем нас не удивить, и почти все ново и точно, без чего нельзя. И нигде никакой навязчивости, повсюду то, что искала душа».

Без чего нельзя... То, что искала душа... Точнее не скажешь!

